

ИГОРЬ БОНДАРЕНКО

РАССКАЗ

Алексей и Рита

Алексей проснулся, с минуту полежал в темноте и потянулся к часам на тумбочке. Святиющиеся стрелки показывали половину пятого.

К утру в избе сильно настало. Мороз так разрисовал стёкла в окнах, что уже не узоры, а плотное, ломкое, ледяное кружево застилало их. Ещё с вечера Алексей слышал, как за стеной раза два бабахнуло – лопалась кора на деревьях, и подумал: «Ишь как ломает».

Выбираться из-под стеганого одеяла и идти умываться было жутковато. Помедлив ещё немного, Алексей решил – выскользнул из нагретой постели, быстро натянул штаны и, сунув ноги в валенки, выскочил в сенцы. Тут он зачерпнул воды из кадки и налил в рукомойник, прибитый прямо к деревянной стене.

Кое-как обрызгав лицо, отфыркиваясь, Алексей до тепла растер мохнатым полотенцем слегка покалывающие щеки и шею.

В избе после холодных сенцев казалось тепло. Алексей прошел комнату, где спала мать. Он так и не поговорил с ней, чтобы она пожила несколько дней у тетки Мврфы, когда придет Рита.

Алексей женился недавно, и Рита, приезжая на каникулы, стеснялась свекрови. Изба их невелика, дверей между комнатами нет, и из одной – все слышно в другую. Летом, когда Рита приехала и они наконец остались вдвоем, он обнял жену, поцеловал, а в соседней комнате заворочалась мать, и Рита уже ничего не позволила ему, пока в доме все не затихло.

Дом тетки Марфы большой, с верандой – рядом через дорогу. Тетка Марфа охотно возьмет к себе сестру на несколько дней. Только бы мать уговорить. В их первую брачную ночь тетка Марфа чуть ли не силком утащила сестру к себе, и Алексей знал, что теперь ему тоже предстоит нелегкий разговор, и все откладывал его. Не любит мать

«гостевать», спит плохо на новом месте, и к невестке ревнива: «Не иначе как приколдовала Лешку». Поехал парень на курсы шоферов в Архангельск, поехал бобылем, а вернулся через три месяца женатым.

Молодая невестка непонятна свекрови. Летом на речке день-деньской плещется, зимой с Лешкой, как оглашенная, на лыжах бегаёт, к домашности нисколечко тяги нет, а юбки носит срам какие короткие — колена наружу...

Алексей любит мать. Он у нее — один, и она у него одна, отец на фронте погиб. Если б не так, давно б уехал в Архангельск, шоферу везде работа найдется, не мучился бы, как теперь. Шутка ли — год женат, а с женой прожил всего ничего, считанные денечки: в зимние каникулы восемь дней, да летом — двадцать пять. Рите еще учиться два года, а в институте на каждую девку приходится три парня. Когда Алексей написал об этом Рите, она его выругала: «Твоя «арифметика» меня просто оскорбляет. Значит, ты мне не веришь?!» С матерью разговор об этом завел — тоже ничего хорошего не вышло: «Не могу неволить тебя, вырос сокол — улетел, а мне уже старой кряке подаваться с родных мест некуда, родилась тут и помру тут».

Мать в последнее время, и вправду, болеет, ночью дышит сипло, нечисто. Вот и сейчас, повернулась на бок, застонала.

— Мам, а мам?

Нет, спит еще. Стараясь не шуметь, Алексей вышел из дому и направился к навесу, где стоял его газик. Под валенками сухо заскрипел снег. Снегу было много, и когда на поселок смотришь издали, — одни трубы, как пни на порубке, торчат.

Газик Алексея под навесом стоял крайним слева. За ночь он покрылся плотным слоем инея, будто его покрасили в белый цвет. Алексей достал из-под сиденья заводную рукоятку и попытался

провернуть двигатель. Под нажимом рукоятка чуть прогнулась, но не тронулась с места: масло в картере на морозе так загустело, что его можно было теперь ножом резать. Алексей вытащил из кузова паяльную лампу, подкачал воздуха и чиркнул спичкой. Бензин загорелся вяло, неохотно.

Тоненький жалкий язычок пламени дрожал, будто и ему было холодно. Но вскоре лампа прогрелась, грозно загудела, высунув длинный синий язык пламени. Алексей лег ничком на звонкую твердую как камень землю и направил огонь на картер.

Пять дней назад от Риты пришла телеграмма: «Приеду двадцать третьего тире двадцать седьмого». Почему «тире двадцать седьмого», никаких объяснений не было. В Архангельске у нее жила мать, но скорее всего ее, секретаря комсомольской организации курса, задержали какие-нибудь общественные дела.

Каждое утро, начиная с 23-го, Алексей вставал в половине пятого, грел машину и ехал на станцию к единственному поезду, который здесь останавливался. Он ездил ее встречать 23, 24, 25 и 26. Сегодня был последний день назначенного ею срока.

За ночь мороз пробрал газик «до косточек», и мотор долго не хотел заводиться: кашлял, чихал, захлебывался бензином, пока наконец не заработал ровнее.

С места Алексей тронул машину плавно и с километр ехал медленно, чтобы не сорвать задний мост, и, только когда выехал на дорогу к станции, прибавил скорость.

Зимой из поселка вело всего две дороги: одна на станцию, другая — на лесоповал. Со станции в поселок шли разные грузы для гидролизного завода и леспромхоза. С лесоповала грузовики всю зиму таскали к реке срубленные ели. Там, на берегу, скапливались огромные штабеля звонких, промерзших стволов. Весной их стаскивали в реку, и они медленно плыли вниз по течению, нагоняя и подталкивая друг друга. В воде стволы оттаивали, и над

рекой вместе с ними плыл стойкий, но не резкий, рассеянный в пространстве запах свежесрезанной хвои. Тут все пахло хвоей, тут был хвойный край. Дорога до станции и на лесоповал тоже была вымощена бревнами из хвойных деревьев, а сверху, как рельсами, нашта двумя досками. Доски располагались по ширине автомобильных колес, и надо было ловко вертеть баранкой, чтобы смело катить по такой дороге. Зимой, конечно, другое дело: все ямки засыпаны снегом, утрамбованы, — дорога сплошная, широкая, накатанная, и вести машину по ней может даже новичок.

До станции всего пятнадцать километров, и газик проглотил их, даже не успев как следует прогреться. Алексей остановил машину около станционного домика и остался в тишине со своими тревожными мыслями. Он чувствовал, что если Рита не приедет сегодня, то он «записхует»: пошлет ей грозную телеграмму, потребует развода, напьется, наругает матери и черт знает что еще сделает.

Когда из-за поворота показался поезд, Алексей не торопясь выбрался из кабины и, сдерживая себя, вразвалочку, степенно пошел по пустому перрону.

Окутанный клочковатым паром, мимо проплыл паровоз, замельтешили вагоны. Алексей всматривался в запотевшие вагонные окна, и каждый раз, когда перед глазами возникало женское лицо, чем-то похожее на Ритино, у него тревожно и радостно екало сердце. Но это все была не она. И вдруг он увидел ее в раскрытую дверь. Она смеялась и что-то прокричала ему, он увидел, еще, как от выхода ее оттеснил проводник, и побежал вслед за вагоном.

Поезд еще не успел совсем остановиться, а Рита прыгнула ему на руки. Ну, конечно. Ну, конечно. Она была в капрончиках, в румынках...

— Фасонишь? Тут тебя такую белые медведи съедят!

Алексей почему-то вдруг заробел и говорил явно не то.

За полгода он отвык от Риты и все еще не верил, что эта синеглазая блондинка

— его жена. Но тем приятнее, тем сладостнее были для него эти первые прикосновения к ней, к его Рите, и ему не хотелось опускать ее на землю. Не замечая улыбочек девушек, выгружавших почтовый вагон, он так и понес ее на руках к машине.

В кабине он укутал ей ноги полушубком, сел рядом и захлопнул дверцу.

— Ну, здравствуй, мужичишка.

— Здравствуй, жена, — и он поцеловал ее в теплые сухие губы.

Обратно Алексей ехал не спеша. Ему хотелось подольше побыть с ней наедине, поговорить. Но Рита тоже отвыкла от него, и сначала разговора не получалось, а были только вопросы и ответы.

— Ты чего задержалась?

— Мама приболела. Я думала уже не приеду к тебе зимой.

— А теперь как... мама?

— Теперь ничего. Привет тебе передавала. А ты откуда узнал, что я сегодня приеду?

— Ты же написала, вот я и встречал: «23 тире 27-го».

— Миленький мой и глупый. Ну зачем? Приехала бы, сама добралась, и медведи меня не съели б. Ну, а если бы и сегодня меня не было, завтра приехал бы?

— Рита хитро скосила глаза на Алексея.

— Приехал бы, — весело ответил он, уже позабыв обо всех тревогах, о желании послать телеграмму, потребовать развода, напиться и сделать черт знает что.

Потом Рита рассказала ему о сессии, о том, что она была «ужасно трудная», что Пал Палыч запугал всех еще на консультациях и на экзаменах одна девчонка упала даже в обморок от страха, что она переживала не только за себя, но за весь курс и потому осунулась и, наверное, подурнела.

— Подурнела, да, Леша?

Смотровое зеркало у Алексея в кабине повернуто так, что он видел не дорогу позади машины, а Ритино лицо. Оно у нее продолговатое, тонкое. Глянесь на него — ну просто девчонка, но Алексей-то

знает, что она совсем не худенькая, девчонка, как кажется сначала, и это всегда изумляет и особенно волнует его, когда он обнимает ее.

Вспомнив об этом, Алексей шумно вздыхает.

— Ты чего? — спрашивает Рита.

— Ничего, — говорит Алексей, — мороз.

— А у тебя как с учебкой? — тон у Риты строгий, как у учительницы.

По ее настоянию осенью он поступил в 9-й класс вечерней школы. Они долго спорили, прежде чем он согласился. «Я тебе сразу говорил, что не пара тебе, я — шоферюга, а ты без пяти минут инженер». «Миленький мой, ты можешь быть шоферюгой, как ты выражаешься, мне все равно, но ты должен быть грамотным человеком. Леша, ты сам еще не понимаешь, как это важно, ну, я тебя очень прошу...»

Алексей вернулся в школу после долгого перерыва, после службы на флоте. Ему пришлось очень трудно. Почти по всем предметам за вторую четверть у него были тройки, но двоек не было, и он весело ответил:

— Государственные оценки имею почти по всем предметам, правда, есть и четверки.

— Троешник ты у меня, вот ты кто, — нежно сказала Рита.

Около дома Алексей остановил машину так, что дверцы пришлись прямо против ступенек.

В доме уже горела печь, жарко потрескивали березовые поленья, на плите, в кастрюле что-то закипало. Мать стояла у стола, шурила глаза, будто не могла сразу разглядеть, кто вошел, на самом же деле выжидала, пока невестка первая выкажет свои чувства.

Рита подбежала к ней, обняла.

— Здравствуйте, мама.

— Здравствуй. А мы уже тебя ждем, ждем...

Рита достала из чемодана серый пуховый платок, накинула на плечи матери. Морщинки у глаз на мгновение разгладились, мать была довольна подарком.

Рита сняла шубу, крутнулась перед зеркалом. Алексей захотел подойти к ней, да мать позвала:

— На стол собрала, иди завтракать.

В тот степенный хозяйский разговор, что завела мать за столом, про то, что есть в магазинах в Архангельске, про цены на базарах Алексей не вмешивался и только все поглядывал на Риту. Она изменила прическу, носила теперь челочку, какую он еще не видел у местных девчат, и вся она, его Рита, была непохожая на местных: все у нее было другим, и цвет губной помады, и покррой, и длина платья, и черные капроновые чулки, и шапочка, и даже ее имя — Рита — Алексей раньше никогда не встречал, разве только в книгах.

Когда Алексей после завтрака собрался на работу и вышел в сенцы, Рита выскочила за ним.

— Ты чего это меня рассматривал? — улыбаясь, заглядывая ему в глаза, допытывалась она.

— Моя жена, хочу и смотрю, — хохотнул Алексей и попытался обнять ее, но она вывернулась, дразня его, с порога бросила:

— Привет, до вечера, мужичишка.

Весь день Алексей томился, ждал с нетерпением конца рабочего дня, и это нетерпение разжигали шуточки его товарищей, шоферов, они разжигали его и злили.

— Смотри, Лексей ворочает, знать не всю силенку вымотал...

— Да он еще не успел, завтра на него поглядим...

— Лексей, а Лексей, а студентка лучше, что ли, против обыкновенной девки?..

— Ну, хватит травить, — и по тому, как он это сказал, стягивая цепью борта, ребята поняли — хватит.

В дороге Алексей успокоился. Все здесь располагало к покою. В лесу тихо стояли громадные разлапистые ели. Их ветви пригибались под тяжестью осевшего на них снега. В быстро сгущавшихся сумерках ели стали голубыми, снег подсинился. Небо было безоблачным, с

красноватым отливом, морозным и оттого казалось хрупким, стеклянным. Его подпирали густые белесые стволы дыма, которые тянулись из труб поселковых изб. Была суббота, и многие топили баньки.

Где-то топилась банька и для Риты, и для него, и Алексею захотелось сейчас, сию минуту, очутиться там, сесть на широкую лавку и долго сидеть, постепенно отогреваясь, время от времени поплескивая водой на хищно шипящую раскаленную железную печку в углу, жадно вдыхать обжигающий пар с запахом распаренных бревен и листьев, а потом долго и нещадно хлестать себя жестким березовым веником...

Деревья поредели, и показалась река. Зимой лес свозили на противоположный берег, чтобы весной, когда лед будет ломким и ненадежным, сваливать бревна на этой стороне. Но случалось, водители ловчили — каждый старался сделать за день больше ездов — и на этом берегу уже громоздилось несколько штабелей, к весне здесь негде было пальцем ткнуть.

Алексею сейчас тоже хотелось поскорее освободиться от груза, но однажды ему пришлось в паводок вести машину через реку, и он дал себе зарок никогда больше в этом деле не ловчить.

Весна в тот год была не по-северному ранняя и теплая. Под колесами тяжело груженной машины лед потрескивал и жутко прогибался, как резиновый.

Алексей вел грузовик ровно, осторожно, на одной и той же скорости, и сам за рулем сидел не двигаясь, став в эти секунды частью машины. Дверцы кабины на всякий случай приоткрыл, а голову высунул наружу, жадно вслушиваясь в каждый звук.

И вдруг левое переднее колесо вскочило в невидимую, залитую водой глубокую выбоину, — сильно ударило. Угрожающе треснул лед под задним колесом. Нога Алексея инстинктивно дернулась, и, послушный этому движению, газик, напрягшись, дернул заскрежетавший при перекосе прицеп. Вода из расщелины хлынула на лед, но состав уже

миновал гибельное место.

Сейчас лед был гладким и крепким. Ехать по нему было все равно что по асфальту. Алексей разогнал Мишину, легко взял подъем и подрулил к свободной площадке.

Грузчики были заняты, и Алексей не стал ждать их. Подставил сходни и открыл борт. Несколько бревен упало сразу, а остальные он, вооружившись ломиком, ловко и быстро спихнул на снег.

Потом забрался в кабину и опустил боковое стекло, подставив шершавым прикосновениям поднимавшегося ветерка разгоряченное лицо.

Проезжая мимо кинотеатра, он увидел афишу: «Бум», новый итальянский художественный фильм.

Как-то они смотрели итальянский фильм про любовь, и Рита после сказала, что «это — неореализм». Алексей раньше не слышал такого слова, в школе про неореализм не говорили, а в поселке все фильмы делились по другому принципу: те, на которые дети до шестнадцати лет не допускались, и те, на которые допускались.

Алексей хотел было взять билеты на «Бум», но передумал, решил, что сегодня они побудут дома.

В доме все окна светились, а из баньки напротив слышались женские голоса, Ритин и Манькин, его двоюродной сестры, дочери тетки Марфы. О чем они говорили, нельзя было разобрать, слышно было только звонкое журчание Ритино го голоса да Манькины восторженные повизгивания.

Когда Рита приезжала, Манька не отставала от нее ни на шаг. Рита — ее кумир. Маньке — 17 лет, она мечтала поступить в тот институт, что и Рита, ну и, конечно, моды: длина шпилек, цвет помады, прическа, кто это все сообщит ей в поселке раньше Риты?

Девчата парились долго. Манька-то привыкшая, а Рита пожаловалась: «Уморила меня совсем».

После баньки все сели за стол, выпили по стопке водки. Захрустели на зубах соленые огурчики, капуста. Мать поставила на стол дымящуюся яичницу.

Выпили еще по одной и мать, и

тетка Марфа, и Манька, и Рита, ну и Алексей, само собой.

Тетка Марфа сидела с матерью по одну сторону стола, а Алексей, Рита и Манька — по другую. Манька уже успела сделать себе прическу «под Риту», с челочкой.

— Посмотри на свою модницу,— сказала мать.

— Чего? Пусть, — равнодушно ответила тетка Марфа.

— А помнишь, какие раньше косы носили девушки...

— Волос сейчас не тот, жидкий волос сейчас пошел. А все, наверное, через этот атом, — добавила тетка Марфа.

— «Атом» тут ни при чем, — вмешалась Рита. — Я знаю многих девчонок, у которых густые, прекрасные волосы, да и у меня могли бы быть косы, но это не гигиенично.

— Да, вы теперь грамотные,— посуровела мать, — а мы раньше...

— Да что вы заладили, мам, раньше, раньше... раньше на телегах ездили, а теперь на автомобилях.— «Дались ей эти косы»,— с горечью подумал Алексей.

— Толку-то, толку что? — не сдавалась мать.

— Ладно, мам, не будем спорить...

Но после этой пустяковой перепалки: душевного разговора за столом уже не получалось. Мать замкнулась, замолчала, думала с болью о себе и о сыне, поглядывала на Риту. — «Красива, да шей в красоте не сваришь».— Алексей тоже молчал, томился и только оживился, когда тетка Марфа смачно зевнула. Зевнула и мать.

— Пора нам, сестра, устала я что-то, да и ты куняешь, — сказала, поднимаясь, тетка Марфа. — Собирайся и ты, Манька.

— Мама, я побуду еще, — попросила Манька.

— Собирайся, тебе говорят!

— Вот всегда вы так, всегда! — Манька вскочила, в голосе ее слышались слезы.

— Ах, непонятливая ты у меня — уже мягче заговорила тетка Марфа. — Рита ведь тоже с дороги, отдохнуть ей надо,

завтра наговоритесь.

— До свиданья, тетя Марфа. До свиданья, мама. До свиданья...

В избе сразу стало тихо. Рита встала, под ее крепкими ногами скрипнул пол.

— Леша, помоги мне открыть чемодан.

Пока она разбирала вещи и развешивала их в шифоньере, Алексей постелил постель и лег.

— Леша, не смотри на меня, пожалуйста...

Алексей честно зажмурился, но слух его стал еще обостренней. Он слышал каждый

шорох из угла, где раздевалась Рита. У него пересохло в горле.

* * *

Рита просыпалась поздно и в первые дни наслаждалась ничегонеделанием. Вечерами Алексей старался всячески занять ее, ходил с ней в кино, на танцы, а к концу недели взял отгул.

Они решили пройти на лыжах до лесной сторожки и прожить там целых два дня. Рита была в восторге от этого предложения и тщательно готовилась к походу: купила макарон, картошки, мяса, взяла соли, захватила «для Лешки маленькую», — она в первый раз в жизни чувствовала себя самостоятельной хозяйкой. Мать посоветовала взять простыню и стеганое одеяло, и, хотя «не хотелось таскаться с этим барахлом», Рита взяла, чтобы не огорчать свекровь.

Алексей делал свое, мужское дело: почистил ружье, набил патроны, на ночь смазал лыжи.

День выдался с утра пасмурный, и Алексей жалел об этом. Ему не терпелось показать Рите зимний лес во всей красе, при солнце, когда снег искрится и переливается на свету, тугие хвойные ветви из матово-зеленых становятся сочными, яркими, а небо — нежным, светло-дымчатым. Но ей и так нравился лес, и она всем восторгалась: могучими мачтовыми соснами, и хмурыми тяжелыми елями, и белкой, которая весело пробежала в вышине по веткам, да так быстро, что Алексей не успел даже ружья сорвать с

плеча.

Потом они стреляли по желанию Риты «по ничему» — сбивали снег с деревьев. Эти резкие в морозном воздухе выстрелы только подчеркивали ту тишину, которая жила здесь веками и была еще неподвластна человеку, — редкому гостю в этих краях.

Алексей на лыжах ходил легко и споро и, пройдя добрых двадцать километров до сторожки, почти не устал. Рита, конечно не хотела и не могла от него отстать, но пришла усталой и разбитой.

Алексей уложил ее на нары, подбил под голову соломы, накрыл теплым полушубком, а сам принялся растапливать печь.

Работал он не спеша, основательно. Играючи расколол два большущих кряжа, нащипал лучины, развел огонь.

Зимние сумерки быстро обступали сторожку, но печка уже хорошо разгорелась и на стенах плясали багровые отсветы. Алексей и Рита сидели на низкой скамье и, открыв дверцу, грелись.

— Ты любишь смотреть на огонь? — спросила Рита. — Вот так, наверное, неотрывно смотрели на огонь наши предки тысячи и тысячи лет назад...

Алексей приподнялся, сунул нож в кастрюлю с кипящей водой, попробовал, не сварилась ли картошка, и снова присел рядом с Ритой, и она сказала ему:

— Я очень счастлива, Леша...

Как хорошо они придумали это — прийти сюда. И Рита потом долго еще вспоминала лесную сторожку и эти два дня, которые они прожили вдвоем, вдали от всех, как «первобытные люди».

Но пришла пора возвращаться, и они вернулись.

Чтобы занять себя, Рита пыталась помогать свекрови по хозяйству, но хлопот по дому было немного, а когда она однажды напросилась приготовить обед, свекровь поняла это по-своему:

— Что? Не угодила чем?

Танцы им надоели, и вечерами они теперь сидели дома, разговаривали. Рита тархтела без умолку обо всем: о кибернетике, о полетах к другим планетам, о новых фильмах. Манька ловила каждое ее

слово, внимателен и тих был Алексей, а мать, притомившись за день, часто засыпала прямо на стуле.

Рита любила возражения, споры, а здесь ее только слушали, и однажды она подумала, что хорошо было бы сбежать сейчас к своим девчонкам, поспорить, а потом прибежать к Лешке «под бочок». Но так пока было сделать нельзя. Она уже немного скучала по институту и подружкам и представляла первый разговор с ними. Конечно, они сразу спросят:

— Ну, как твой «таежный медведь»?

Когда Рита познакомилась с Алексеем, она не думала, что выйдет за него замуж. Он приходил на танцы к ним в институт и казался неуклюжим и робким. Но однажды она видела, как он бил в клубе двух «пижонов», затеявших скандал. Бил артистически, как в хороших приключенческих фильмах. И ей стало льстить, что этот «медведь» покорен ей, как дрессированный.

Еще в школе Рита привыкла кого-то опекать, помогать кому-то, «воспитывать». В Алексее она нашла благодарного слушателя. Теперь, когда они стали мужем и женой, она хотела видеть в нем партнера, наперстника и верила, что обязательно добьется своего, «выучит Лешку».

Каникулы кончались седьмого февраля, а пятого начиналась избирательная кампания. Рита была агитатором. Конечно, ей бы никто и слова не сказал, если бы она задержалась на два дня, но она убедила себя, что ее долг — ехать. Разговор об этом с Алексеем она откладывала на последний день, на последний вечер, но и вечером ничего не сказала ему. «Скажу утром», — решила она.

* * *

Ночью Алексею приснился дурной сон. Будто он приходит с работы, а Риты нет. Тогда Алексей погнал свой газик вдогонку, но газик не летел, как он мог летать, если этого хотел Алексей, а полз, будто буксовал, хоть выскакивай из кабины и подталкивай его сзади. Алексей опаздывал. Когда он наконец добрался до вокзала, то увидел хвост поезда и побежал по перрону: «Рита! Рита!»

От крика с тяжелым чувством Алексей проснулся.

Рита лежала рядом. Она спала тихо, неслышно, как спят молодые, здоровые женщины. Алексей приблизил свое лицо к ее лицу, носом ткнулся в ее жестковатые волосы и с наслаждением втянул в себя воздух, а потом откинулся навзничь и, успокоенный, сильный, готовый все преодолеть в жизни и вынести, долго еще лежал с открытыми глазами.